

Online ISSN 2335-2388

mokslo darbai transactions

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2013 Nr. 24 (29)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 24 (29)

MOKSLINIS TĖSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.).

Mokslo kryptis: filologija (04H). Mokslo sritys: gramatika, semantika, semiotika, sintaksė (H 352), bendroji ir lyginamoji literatūra, literatūros kritika, literatūros teorija (H 390).

Pagrindinės kalbos: lietuvių, lenkų, anglų, rusų.

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Uniwersytet Wileński – Wydział Humanistyczny w Kownie oraz Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

Kierunek naukowy: filologia (04H). Dyscypliny naukowe: gramatyka, semiotyka, semantyka, syntaktyka (H 352), literatura ogólna i porównawcza, krytyka literacka, teoria literatury (H 390).

Podstawowe języki: polski, litewski, angielski i rosyjski.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and The Jan Kochanowski University in Kielce Faculty of Humanities.

Scientific field: philology (04H). Research areas: grammar, semantics, semiotics, syntax (H 352), general and comparative literature, literary criticism, literary theory (H 390).

The journal accepts articles and correspondence written in English, Lithuanian, Polish, and Russian.

DUOMENŲ BAZĖS / BAZY DANYCH / ABSTRACTING AND INDEXING

Elektronische Zeitschriftenbibliothek (2002) Arianta (2002)	Frei zugängliche E-Journals Universitätsbibliothek Regensburg
Balcan Rusistics (2004)	Naukowe i branżowe polskie czasopisma elektroniczne Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
C.E.E.O.L. (2005)	Russian Language, Literature and Cultural Studies Central and Eastern European Online Library DFG Nationallizenzen
EBSCO (2006)	Humanities International Complete Humanities Source Current Abstracts Humanities International Index TOC Premier
MLA (2007)	Modern Language Association International Bibliography
Index Copernicus (2008)	Index Copernicus International Journal Master List
Lituanistika (2011)	The database of the humanities and social sciences in Lithuania
Linguistic Bibliography Online (2012)	Brill Leiden, Netherlands
Ulrichs (2013)	Ulrich's Periodicals

PATIKRA / WERYFIKACJA / VERIFICATION

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva

Respectus Philologicus
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitines 8, Kaunas 44280, Lithuania

Tel. +370 37 750 536

El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage <http://filologija.vukhf.lt>

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Proof-readers

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / Lithuanian language)
Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / Polish language)
Algis Braun (anglų kalba / język angielski / English language)
Eleonora Lassan, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / Russian language)

Vertimas / Tłumaczenie / Translation

Beata Piasecka, Živilė Nemickienė

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

Print ISSN 1392-8295, Online ISSN 2335-2388

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2013

© Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2013

REDAKTORIŲ KOLEGIJA — KOLEGIUM REDAKCYJNE

- Eleonora Lissan** VU KHF profesorė, habil. dr. (04H), Lietuva, *vyriausioji redaktorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa, *redaktor naczelny*
- Kazimierz Luciński** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotojas*
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Irina Oukhvanova-Shmygova** Baltarusijos valstybinio universiteto profesorė, dr. (04H), Baltarusija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotoja*
 Profesor Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego, dr (04H), Białoruś, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Gabija Bankauskaitė-Sereikienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva, *atsakingoji sekretorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa, *sekretarz kolegium*
- Daiva Aliūkaitė** VU KHF docentė, dr. (04H), Lietuva
 Docent Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Danutė Balšaitytė** VU Užsienio kalbų instituto profesorė, dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Instytut Języków Obcych, dr (04H), Litwa
- Wiesław Caban** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (05H), Lenkija
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (05H), Polska
- Renato Corsetti** Romos universiteto „La Sapienza“ profesorius, habil. dr. (04H), Italija
 Profesor Uniwersytetu Rzymskiego „La Sapienza“, dr hab. (04H), Włochy
- Anatolij Chudinov** Uralo valstybinio pedagoginio universiteto profesorius, dr. (04H), Rusija
 Profesor Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego, dr (04H), Rosja
- Hans-Jürgen Diller** Bochumo Ruhro universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Vokietija
 Profesor Uniwersytetu Ruhry w Bochum, dr hab. (04H), Niemcy
- Aloyzas Gudavičius** Šiaulių universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu w Šiauliai, dr hab. (04H), Litwa

- Laima Kalėdienė** Lietuvių kalbos instituto vyriausioji mokslo darbuotoja, profesorė, dr. (04H), Lietuva
Starys pracownik naukowy, profesor w Instytucie Języka Litewskiego, dr (04H), Litwa
- Juris Kastinš** Latvijos universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Latvija
Profesor Uniwersytetu Łotewskiego w Rydze, dr hab. (04H), Łotwa
- Asta Kazlauskienė** Vytauto Didžiojo universiteto profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Witolda Wielkiego, dr (04H), Litwa
- Jurij Kleiner** Sankt Peterburgo universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Rusija
Profesor Uniwersytetu w Sankt Petersburgu, dr hab. (04H), Rosja
- Aleksandras Krasnovas** VU KHF profesorius, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jadvyga Krūminienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jurgita Mikelionienė** Kauno technologijos universiteto docentė, dr. (04H), Lietuva
Docent Uniwersytetu Technologicznego w Kownie, dr (04H), Litwa
- Gerald E. Mikkelson** Kanzaso universiteto profesorius, dr. (04H), JAV
Profesor Uniwersytetu w Kansas, dr (04H), USA
- Olegas Poliakovas** VU KHF profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa
- Marek Ruszkowski** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija
Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska
- Yuri Stulov** Minsko valstybinio lingvistikos universiteto profesorius, dr. (04H), Europos „Amerikos studijų asociacijos“ Baltarusijos filialo prezidentas, Baltarusija
Profesor Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego w Mińsku, dr (04H), prezes białoruskiej filii Europejskiego Stowarzyszenia Studiów Amerykanistycznych, Białoruś
- Leona Tokor** Jeruzalės Žydų universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Izraelis
Profesor Uniwersytetu Hebrajskiego w Jerozolimie, dr hab. (04H), Izrael

EDITORIAL BOARD

Eleonora Lissan	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>editor-in-chief</i>
Kazimierz Luciński	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland, <i>deputy editor-in-chief</i>
Irina Oukhvanova-Shmygova	Professor (04H), Belarusian State University, Belarus, <i>deputy editor-in-chief</i>
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>managing secretary</i>
Daiva Aliūkaitė	Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Danutė Balšaitytė	Professor (04H), Vilnius University (Institute of Foreign Languages), Lithuania
Wiesław Caban	Professor (05H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Renato Corsetti	Professor (04H), Sapienza University of Rome, Italy
Anatolij Chudinov	Professor (04H), Ural State Pedagogical University, Russia
Hans-Jürgen Diller	Professor (04H), Ruhr University Bochum, Germany
Aloyzas Gudavičius	Professor (04H), Šiauliai University, Lithuania
Laima Kalėdienė	Professor (04H), Senior Researcher, Institute of the Lithuanian Language, Lithuania
Juris Kastinš	Professor (04H), University of Latvia, Latvia
Asta Kazlauskienė	Professor (04H), Vytautas Magnus University, Lithuania
Jurij Kleiner	Professor (04H), St. Petersburg State University, Russia
Aleksandras Krasnovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jadvyga Krūminienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jurgita Mikelionienė	Associate Professor (04H), Kaunas University of Technology, Lithuania
Gerald E. Mikkelsen	Professor (04H), The University of Kansas, USA

Olegas Poliakovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Marek Ruskowski	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Yuri Stulov	Professor (04H), Minsk State Linguistic University, President of European Association for American Studies in Belarus, Belarus
Leona Toker	Professor (04H), The Hebrew University of Jerusalem, Izrael

TURINYS / SPIS TREŚCI

I. PROBLEMOS IR SPRENDIMAI / PROBLEMY I ICH ROZWIĄZANIA

- Aleksandras Krasnovas** (Lietuva / Litwa). Individuali ir bendruomeninė tapatybė bei jų sąveika grožinėje literatūroje..... 11
- Oleg Leszczak** (Lenkija / Polska). Społeczny i empiryczny charakter transcendentalnego antropocentryzmu Immanuela Kanta: problem istoty człowieczeństwa 21
- Bernard Sypniewski, M. Frankel Sypniewski** (JAV / USA). Patterns of Thought..... 36
- Наталья Клушина** (Rusija / Rosja). Интенциональный аспект современной стилистики..... 50

II. FAKTAI IR APMASTYMAI / FAKTY I ROZWAŻANIA

- Yuri Stulov** (Baltarusija / Białoruś). The Cityscape in the Contemporary African-American Urban Novel 65
- Анна Дашенко** (Ukraina / Ukraina). Личностное измерение стиля И-ань: ценностные установки Ли Цинчжао 72
- Gintarė Aleknavičiūtė** (Lietuva / Litwa). Domestication in the Translation of D. Brown's *The Da Vinci Code*..... 87
- Anna Wzorek** (Lenkija / Polska). Olgi Tokarczuk gra z regułami powieści kryminalnej (na podstawie *Prowadź swój plug przez kości umarłych*) 98
- Simona Amankevičiūtė** (Lietuva / Litwa). Kognityvusis požiūris į stereotipinius moters įvaizdžius vizualiojoje reklamos erdvėje..... 108
- Елена Казимянец** (Lietuva / Litwa). *Снег* в русской языковой картине мира 121
- Oskar Gawlik** (Lenkija / Polska). On *If* and *Whether* Complement Clauses of *See*, *Wonder*, and *Know* in Contemporary Spoken Academic American English: A Corpus-Based Study..... 131
- Евгений Зубков** (Lenkija / Polska). Словоупотребления *ксива* и *малява* в русском уголовном дискурсе..... 142
- Mihaela Culea** (Rumunija / Rumunia). “Middle Ground,” “Duality,” and “Diversimilarity” as Responses to Postcolonial and Global Challenges in Chinua Achebe's *The Education of a British-Protected Child* and *No Longer at Ease* 151
- Malgorzata Krzysztofik** (Lenkija / Polska). *Recepta duszna i cielesna przeciw powietrzu morowemu* ks. Hieronima Powodowskiego (XVI w.) – antropologiczny model lektury..... 162
- Malgorzata Przeniosło** (Lenkija / Polska). Nauczyciele akademicy na Uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie w okresie międzywojennym..... 176

III. NUOMONĖ / OPINIE I POGLĄDY

- Элеонора Лассан** (Lietuva / Litwa). О причинах вечности сказочных сюжетов
(на материале сказки «Мальчик с пальчик»)..... 194

IV. KONFERENCIJŲ MEDŽIAGA / MATERIAŁY KONFERENCYJNE

- Leszek Szymbański** (Lenkija / Polska). Language Awareness in an Internet Chat Room 203

V. SKAUDŪS KLAUSIMAI / DRAŹLIWE KWESTIE

- Viktorija Makarova** (Lietuva / Litwa). Priešo įvaizdžio formavimas Lietuvos žiniasklaidos
priemonėse: lenkų klausimas..... 213

VI. MOKSLINIO GYVENIMO KRONIKA / KRONIKA ŻYCIA NAUKOWEGO

Konferencijų apžvalgos / Konferencje

- Jurgita Astrauskienė** (Lietuva / Litwa). Tarptautinės mokslinės konferencijos „Tarp eilučių:
lingvistikos, literatūrologijos, medijų erdvė“ *TELL ME 2013* apžvalga 222

- Tatiana Larina** (Russia). Searching for Understanding in Cross-Cultural Communication.... 225

Knygų recenzijos / Recenzje książek

- Лара Синельникова** (Ukraina / Ukraina). ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012. *Язык советской
действительности: Семантика позитива в обозначении лиц*..... 230

- Michał Mazurkiewicz** (Lenkija / Polska). *Sport w sztuce. Sport in Art.* 2012.
M. KOZIOŁ, D. PIEKARSKA, M. A. POTOCKA (eds.)..... 237

- Anonsai / Zapowiedzi** 239

VII. REIKALAVIMAI STRAIPSNIAMS /

- ZASADY OPRACOWYWANIA PUBLIKACJI** 240

- VIII. MŪSŲ AUTORIAI / NASI AUTORZY** 248

CONTENTS

I. PROBLEMS AND SOLUTIONS

Aleksandras Krasnovas (Lithuania). The Interaction of Personal and Communal Identities in Literature	11
Oleg Leszczak (Poland). On the Social and Empirical Nature of Kant's Transcendental Anthropocentrism: The Problem of Human Nature	21
Bernard Sypniewski, M. Frankel Sypniewski (USA). Patterns of Thought.....	36
Natalia Klushina (Russia). The Intentional Aspect of Modern Stylistics	50

II. FACTS AND REFLECTIONS

Yuri Stulov (Belarus). The Cityscape in the Contemporary African-American Urban Novel ...	65
Ganna Dashchenko (Ukraine). The Identity Dimension of the <i>Yi-An</i> Style: The Value System of Li Qingzhao.....	72
Gintarė Aleknavičiūtė (Lithuania). Domestication in the Translation of D. Brown's <i>The Da Vinci Code</i>	87
Anna Wzorek (Poland). Olga Tokarczuk's Game with the Rules of Criminal Novels: The Case of <i>Plough Through the Bones of the Dead</i>	98
Simona Amankevičiūtė (Lithuania). Cognitive Approach to the Stereotypical Placement of Women in Visual Advertising Space	108
Jelena Kazimianec (Lithuania). Snow in the Russian Language Picture of the World.....	121
Oskar Gawlik (Poland). On <i>If</i> and <i>Whether</i> Complement Clauses of <i>See</i> , <i>Wonder</i> , and <i>Know</i> in Contemporary Spoken Academic American English: A Corpus-Based Study.....	131
Eugene Zubkov (Poland). Word Usage of <i>Ксива</i> and <i>Малыва</i> in Russian Criminal Discourse	142
Mihaela Culea (Romania). "Middle Ground," "Duality," and "Diversimilarity" as Responses to Postcolonial and Global Challenges in Chinua Achebe's <i>The Education of a British-Protected Child</i> and <i>No Longer at Ease</i>	151
Malgorzata Krzysztofik (Poland). The Anthropological Model of Reading "Prescription for Soul and Body Against Epidemic Air" by 16 th Century Priest Hieronim Powodowski	162
Malgorzata Przenioslo (Poland). The Academics at Stefan Batory University in Vilnius During the Interwar Period.....	176

III. OPINION

- Eleonora Lassar** (Lithuania). On the Imperishable Reasons of Fairy-Tale Plots:
The Case of *Tom Thumb* 194

IV. CONFERENCE MATERIAL

- Leszek Szymański** (Poland). Language Awareness in an Internet Chat Room 203

V. SENSITIVE ISSUES

- Viktorija Makarova** (Lithuania). The Formation of the Image of the Enemy
in Lithuanian Media Outlets: The Polish Question 213

VI. SCIENTIFIC LIFE CHRONICLE

Conferences

- Jurgita Astrauskienė** (Lithuania). Review of the International Scientific Conference
“Thought Elaboration: Linguistics, Literature, Media Expression” (TELL ME 2013) 222

- Tatiana Larina** (Russia). Searching for Understanding in Cross-Cultural Communication.... 225

Book reviews

- Lara Sinelnikova** (Ukraine). CZERWINSKI, P., 2012. *The Language of Soviet Reality: The Semantics of Positive Personal Evaluations* / ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012. *Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц* 230

- Michał Mazurkiewicz** (Poland). *Sport w sztuce. Sport in Art*. 2012.
M. KOZIOŁ, D. PIEKARSKA, M. A. POTOCKA (eds.)..... 237

- Announcements** 239

- VII. REQUIREMENTS FOR PUBLICATION** 240

- VIII. OUR AUTHORS** 248

Наталья Клушина

МГУ имени М. В. Ломоносова

Факультет журналистики

Кафедра стилистики русского языка

ул. Моховая, д. 9, 125009 Москва, Россия

E-mail: nklushina@mail.ru

Область научных интересов: стилистика, медиалингвистика

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКИ

В современной антропоцентрической парадигме ведущую роль играют когнитивный, коммуникативный и прагматический научные методы. Предлагаем рассмотреть разработанный нами интенциональный метод как интегральный лингвостилистический метод изучения современного русского дискурса. Основной категориальный аппарат интенционального метода: интенция, интенциональность, интенциональные категории, адресант, адресат. Интенция адресанта – это сложный феномен, включающий в себя когнитивную, психологическую, коммуникативную и прагматическую составляющую. Мы различаем когнитивную интенцию, с помощью которой человек познает внешний мир, и коммуникативную интенцию, организующую коммуникацию между адресантом и адресатом. Интенциональный метод направлен на изучение творческой, субъективной организации человеческой коммуникации, что помогает лучше понять нелинейность и креативность коммуникативных процессов. В статье также рассматриваются различные типы эффектов в современной коммуникации. В целостной коммуникации эффект не следует сводить только к перлокуции. Поэтому предлагается выделять позитивный, негативный, интенциональный эффекты. Коммуникативной неудачей признается отказ от диалога или равнодушие адресата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая парадигма, интенциональный метод, интенция, интенциональность, интенциональные категории.

Системная и антропологическая парадигмы в филологии

В развитии науки, как и в развитии общества, бывают бурные взлеты и спокойные периоды накопления новых знаний, иногда воспринимаемые как «топтание на месте», кризис.

Стилистика, сменившая в свое время риторiku с ее прагматической направленностью на решение конкретных задач (например, достижение эффективности

речей), в XX веке поставила крупные теоретические проблемы, создав онтологию языка и речи, стиля и стилей, формы и содержания и др. Славянской науке всегда был присущ холистический взгляд на мир, пассионарность, а не практицизм. Поэтому в славянском языкознании стилистика закономерно заняла ведущее место среди филологических дисциплин.

В русской стилистике одним из самых значительных теоретических достиже-

ний стала функциональная стилистика, позволившая описать русский язык в его функциональных разновидностях (см. труды В. В. Виноградова, М. Н. Кожинной, Г. Я. Солганика, Д. Н. Шмелева и др.).

Теория функциональных стилей, опираясь на структурную научную парадигму, доминировавшую в XX веке, из существовавшего «хаоса» стилистик и стилей создала стройную концепцию понимания стиля как «системы систем» (состоящую из лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического ярусов).

Думается, можно предполагать, что стройность, логичность филологической теории в немалой степени определялась упорядоченной речевой практикой советского строя – регламентированной, строго нормированной и коллективно воспроизводимой. Двадцать первый век поставил стилистику в новые, конкурентные, условия. Научный поворот от структурной парадигмы к антропоцентрической выдвинул на первый план когнитивистику, прагматику, коммуникативистику/ дискуртологию. Эти науки создали новые гуманитарные концепции, в центре которых – *человек говорящий*.

Для стилистики такой антропоцентрический поворот не является вызовом. *Образ автора* в стилистике (В. В. Виноградов) коррелирует с *языковой личностью* (Ю. Н. Караулов) в когнитивистике, *дискурсивной личностью* (Е. И. Шейгал) в дискуртологии, *дискурсивной языковой личностью* (Е. Г. Малышева) в когнитивно-дискурсологических исследованиях, *адресантом* в коммуникативистике.

Со сменой структурной (упорядоченной, аналитической) парадигмы на антропоцентрическую (сложную,

диссипативную, с элементами иррациональности) меняется и стилистика, в которой сегодня наблюдается поиск новых методов описания неупорядоченной и во многом креативной языковой деятельности человека. К этому поиску «подталкивают» русскую стилистику и экстралингвистические обстоятельства постсоветского периода.

Системный подход исключает индивидуальное, пренебрегает эксклюзивным, так как генерализует частное и схематизирует общее. Не случайно в описании феноменов замкнутых, самоорганизующихся эмерджентных систем (например, феномена массмедиа) Никлас Луман вводит *наблюдателя второго порядка* (внесистемного наблюдателя¹), чтобы показать внесубъектность, то есть взаимопроникновение миров разных воспринимающих субъектов при создании образа действительности: «Тезис операционального конструктивизма ... не ведет «к утрате мира», не оспаривает существование реальности. Он также предполагает мир не в виде некоего предмета, а феноменологически – как горизонт. То есть как недостижимый. И поэтому не остается никакой другой возможности, кроме одной – конструировать реальность и при случае: наблюдать наблюдателей в том, как они конструируют реальность» (Луман 2012: 17).

Системный подход принципиально отличен от антропоцентрического. Системный (структурный, конструк-

¹ Мы также полагаем, что ученый должен стараться быть максимально сторонним наблюдателем. Ученый-не-наблюдатель привносит индивидуальное, тенденциозное «прочтение» – интерпретацию в соответствии со своей идеологией, но это – пристрастное описание себя в науке, а не наблюдаемых феноменов.

тивистский) подход изучает эволюцию системы: от самоорганизующейся равновесной системы – к диссипативной неравновесной, которая затем снова станет равновесной системой, но с уже более сложной организацией².

Антропоцентрическая парадигма оперирует не замкнутыми системами, а открытыми (творческими) процессами, всегда динамическими, пассионарными и эволюционными.

В своих исследованиях мы разработали и предложили интенциональный метод как новый интегративный метод современной стилистики, «встраивающейся» в антропоцентрическую парадигму. Интенциональный аспект стилистики обращен к человеку-творцу, к его замыслу, к его «прочтению» внешнего мира и саморефлексии.

Описывать творческие процессы в системных координатах представляется почти неразрешимой задачей³. Творчес-

тво трудно подчинить генерализации и схематизации и уложить в прокрустово ложе отграниченной от внешнего мира замкнутой автономной системы. Это скорее *солярис*, где авторские *интенции* не равны *эффекту* (*Чем больше истины – тем больше лжи*, по Маклюэну), где *индивидуальное* не противопоставлено *типичному* (С. Гайда), где *понимание* не детерминировано *конфигурацией смыслов*.

Об интенциональном методе

Интенциональный метод дает возможность в какой-то мере описать творческие процессы, с их проблемами *формы и содержания, рационального и иррационального, креативного на фоне стандартного*. Категориальный аппарат данного метода интегрирует философские, психологические, коммуникативные и другие аспекты современного научного знания, помогающие описать креативность (включающую в себя и автоматизм, иррациональность, логичность) творческой деятельности, во многом поддающейся изучению через понимание/ интерпретацию *интенции* автора и *интенциональности* его творческого сознания. Этот *метод* в современной русской стилистике разрабатывается нами для упорядочивания *сложности* без неизбежного на первый взгляд редукционизма. Он, на наш взгляд, вбирает в себя достижения когнитивистики, прагматики и коммуникативистики – наиболее авторитетных научных концепций в современной антропологической парадигме.

Когнитивный метод базируется на философской идее единства языка и со-

² Поэтому нам не кажется правомерным встречающееся различие *стиля* и *дискурса* на основе того, что *стиль* – равновесная система, а *дискурс* – диссипативная (см, напр.: Орлова 2012), поскольку и *стиль*, и *дискурс* в разные периоды своего развития могут представлять то как равновесные, то как диссипативные структуры.

³ Не случайно Н. Луман в главе «Образование схем» предупреждает: «... мы решительно и безоговорочно выбрали «общество» и «массмедиа» в качестве системных референций, а все остальное отнесли к их «внешнему миру». Поэтому индивиды – как живые тела и системы сознания – остались вне поля нашего внимания. Мы, правда, имели возможность высказаться и об индивидах, ибо фактически ни одна система не может обойтись без того, чтобы называть имена или передавать человеческие изображения. Но они, очевидно, всего лишь темы коммуникации или отобразенные объекты, и во всяком случае в системе массмедиа, то есть в коммуникациях, принимаются решения о том, чтобы упоминать и изображать индивидов. Речь не идет о собственно индивидах. Это всего лишь индивидуальные лица (Personen), лишь «собственные значения», которые должна породить всякая система коммуникации,

чтобы иметь возможность воспроизводить саму себя» (Луман 2012: 183).

знания и, если говорить об исследованиях российских когнитивистов, включает в себя следующий категориальный аппарат: *языковая личность; картина мира; концепты/метафоры* – как сгустки познания и основные элементы в картине мира; *интерпретация* – как процесс понимания действительности. *Когниция*, давшая название методу, – это *базовые знания* субъекта о мире. *Языковая личность* с помощью *интерпретации* познает окружающую действительность, сворачивая ее в *концепты/ концептуальные метафоры*. Результатом *интерпретирующей* лингво-ментальной деятельности *языковых личностей* (отдельного субъекта или коллектива) является построение *картины мира* (индивидуальной или коллективной), отражающей *понимание* и восприятие человеком окружающей его действительности.

Прагматический метод сформировался на основе *теории речевых актов*. Его составляющие – это говорящий и слушающий, локуция – иллокуция – перлокуция, речеактная интенция, речевые акты. *Говорящий* обращается к *слушающему* с *речью*. Речевая цепочка состоит из *целенаправленных* и *интенционально обусловленных* звеньев – *речевых актов*. Детальное изучение речевых актов и построение их *типологии* с помощью прагматического метода выявило и продемонстрировало сложную организацию речи, ее психологические и прагматические составляющие.

Коммуникативный метод в современной лингвистике рассматривает человеческую (вербальную) *коммуникацию* как результат речевой (текстовой) деятельности *адресанта* и *адресата*. Коммуникация с помощью этого метода осознается как *целенаправленное пос-*

лание от адресанта к адресату и может быть представлена в виде *коммуникативной цепочки*:

адресант – текст + коммуникативная ситуация – адресат.

Терминологический аппарат этого метода: *адресант, коммуникативное намерение, коммуникативные стратегии и тактики, адресат, коммуникативная ситуация, текст* (передаваемое сообщение), *декодирование, коммуникативные неудачи*.

Разрабатываемый нами интенциональный метод по своей сути является интегральным, поскольку с его помощью выявляются и анализируются когнитивные, коммуникативные и прагматические особенности современной вербальной коммуникации.

В основу метода мы положили максимально развернутую коммуникативную цепочку и сознательно усложнили ее за счет включения ставшего центральным для метода (и давшим ему название) понятия *интенция*: *адресант – интенция – текст + коммуникативная ситуация – адресат – декодирование – воздействие (перлокутивный эффект/ коммуникативная неудача)*.

Само понимание *интенции* включает в себя когнитивную, психологическую, коммуникативную и прагматическую составляющую.

Интенция и интенциональность как базовые понятия интенциональной лингвистики

Интенция – одно из основных понятий в современной философии, психологии и лингвистике. В каждой отрасли науки этот термин имеет особое содержание.

Интенция (от лат. *intentio* – стремление) – изначально термин схоластической

философии, обозначающий намерение, цель, направленность сознания, мышления на какой-либо предмет. В философии проблема *интенции* и *интенциональности* тесно сплетается с онтологическим вопросом о природе сознания. Интенциональность вводится в современные философские дискуссии как понятие, обозначающее особое свойство психических феноменов, которым не обладает ни один физический феномен (см. подробнее Клушина 2012).

В психологии понятия *интенции* и *интенциональности* определяются как средства описания сознания. Интенция понимается как имманентная направленность сознания на реальный или воображаемый предмет. В психологии речи интенция составляет первый этап порождения высказывания, за которым следуют мотив, внутреннее проговаривание и речевая реализация (А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович).

В современную лингвистику понятие интенции было введено последователями Дж. Остина, одного из создателей теории речевых актов, которая составила основу прагмалингвистики. Переведенная из психологии в прагматику, *интенция* рассматривается как иллюкуция в теории речевых актов. Каждый речевой акт имеет свою речеактную интенцию (иллокутивную силу/ иллокутивное вынуждение). Поэтому типология речевых актов, если вновь вернуться на почву психологии, закономерно влечет за собой и типологию речеактных интенций.

Интенция в нашем методе – категория другого уровня абстракции. Отдельные речевые акты интегрируются в связный текст на основе глобальной *текстовой интенции*. Глобальная интенция формирует интенциональность текста. Поэтому

мы можем говорить об интенциональности не только конкретных речевых актов, но и об интенциональности целого текста (Клушина 2009).

Тексты формируют дискурс на основе *дискурсной интенции*. Интенция становится не только важнейшим текстовым параметром, но и дискурсоформирующим. *Дискурсная интенция* является одним из важнейших критериев членения потока коммуникации на типы дискурсов и даже дискурсные формации. Например, интенция *убеждения* лежит в основе *публицистического/ тенденциозного дискурса* (включающего в себя аналитические материалы), интенция *информирования* – в основе *информационного/ новостного дискурса*, а интенция *развлечения* формирует *дискурс развлечения*. *Реклама* создается на базе дискурсной интенции *побуждения к покупке*, интенция *поучения/ научения* порождает *религиозный дискурс*, а интенция *познания* – *научный дискурс*. Таким образом, можно говорить о дискурсорождающей и дискурсоформирующей роли интенции.

Мы впервые включили интенцию в стилистику (Клушина 2008), сделав этот феномен основой новых стилистических исследований, тем самым пытаясь осуществить поворот от стилистики структурной (классической и функциональной) к стилистике междисциплинарной, интегративной – в понимании Станислава Гайды (Гайда 2012), рассматривающей коммуникацию автора и адресата как «обоюдотворческий» процесс.

Мы не можем изучать вербальную коммуникацию, не включая в наши исследования выявление *интенции* как невербального, но ведущего компонента в речи.

Интенция и связанная с ней *интенциональность* – основной критерий любой человеческой коммуникации (не только вербальной – аудио-визуальной, жестовой, мимической и т.п.), поэтому ее необходимо обязательно учитывать в научном анализе.

С этой точки зрения наиболее полно лингвистический смысл интенции раскрывает Л. Р. Безуглая: «Интенция есть направленность человеческого сознания на объекты и положения дел внешнего мира. В связи с этим она может проявляться двояко: как репрезентационная интенция – направленность сознания на определенный объект – концепт или пропозицию (иначе – пропозициональная установка), и коммуникативная интенция – намерение говорящего донести до адресата свою репрезентационную интенцию и вызвать у него определенную реакцию. Наличие интенции второго типа отличает коммуникативное действие от некоммуникативного» (Безуглая 2009: 254).

Мы также выделяем двунаправленность, точнее двухкомпонентность, интенции. *Интенция₁* (первый компонент) – это направленность сознания человека на окружающую его действительность с целью познать (принять, отвергнуть, объяснить и т.п.) явления жизни и себя в этом мире. Поэтому *интенцию₁* мы определяем как *когнитивную интенцию*, поскольку с ее помощью формируется когнитивный мир человека. Интенция, направленная на внешний мир, создает мир внутренний (анalogии такой трактовки мы находим у Гуссерля). Интенциональность – «рабочее состояние» здорового сознания, это непрерывный когнитивный процесс конструирования личности.

Интенция₂ (второй компонент) – это *интенция коммуникативная*. *Коммуникативная интенция* – осознанность человеческой коммуникации; это направленность сознания адресанта на достижение замысленной им цели, ради которой он вступает в коммуникацию (а не отказывается от нее).

Мы полагаем, что *интенция₁* (когнитивная) и *интенция₂* (коммуникативная) – это не разные типы интенций (по Безуглой), а две взаимообусловленные составные части *единой* авторской интенции. Можно говорить об обязательности *интенции₁* и факультативности вербального выражения *интенции₂*, поскольку коммуникация не всегда осуществляется вербально.

Мы предпочитаем говорить о неразрывности данных интенций еще и потому, что осознание жизни никогда не бывает безразличным, оно будит в человеке *познающем* эмоции, которые не всегда можно вербализовать. Интенциональность, понимаемая как осознание действительности, порождает эмоциональный отклик сознания на этот когнитивный процесс. А отклик уже предполагает коммуникацию, пусть даже с самим собой (автокоммуникацию).

Таким образом, когнитивная интенция получает свое продолжение (преобразуется) в коммуникативной интенции адресанта, вербально выражающейся в его речевой деятельности, т. е. в творимом им дискурсе.

Ведущая авторская (когнитивно-коммуникативная) интенция, реализуясь в коммуникации, может уточняться, усложняться, модифицироваться; она может отчетливо осознаваться или не осознаваться, а ощущаться эмоционально, т. к. коммуникация никогда не бывает

односторонней, линейной и каузальной. Именно поэтому, введя интенцию как когнитивно-коммуникативный феномен, мы не просто усложнили коммуникативную цепочку. С учетом интенции линейная коммуникативная цепочка получает новую, нелинейную конфигурацию, которую невозможно, как в прагматике, препарировать на иерархические звенья, чтобы анализировать поступательное (пошаговое) движение речи, поскольку речь/ коммуникация не может быть полностью проконтролирована и не может быть сведена к сумме речевых актов.

Встречающееся сегодня понимание интенции как иерархически организованной структуры (напр., Адамьянц 2009), родившееся в прагматике, нам представляется слишком прагматичным. Сказанное Н. Луманом по другому поводу нам кажется максимально приложимым к прагматически ориентированным метафизическим (механистическим, арифметическим) концепциям, редуцирующим сложное к простому, подменяя цветущий сад гербарием: «...эти отношения оказываются слишком комплексными для представления в понятийных рамках линейной каузальности или репрезентации» (Луман 2012: 130). Мы бы сравнили авторскую интенцию с камертоном (как автор слышит, так и пишет, по Б. Окуджаеве), а не с просчитываемыми «шагами», движущими конкретные речевые акты, складываемые в рациональную, продуманную коммуникативную цепь. Сальеризм, присущий некоторым ученым, как раз и сказывается в их желании «поверить алгеброй гармонию» – объяснить необъяснимое, минимизировать многообразное, укротить сложное.

Структурирование интенционально обусловленного творческого процесса

через типологию интенций происходит из «переворачивания» коммуникации, т. е. прочтения ее с конца: из пункта Б в пункт А. Мы можем препарировать только уже свершившуюся коммуникацию, прагматически «разлагая» ее на уже состоявшиеся речевые акты и объясняя их интенциональность. Такая интенциональность метафизическая и реконструируемая постфактум, а не мыслимая автором как перспектива его коммуникации. Препарирование интенции отдаленно напоминает учение Панглоса, преподающего, как мы помним, «метафизико-теолого-космологонигологию» следующим образом: «Вот, заметьте, носы созданы для очков, потому у нас очки. Ноги, очевидно, назначены для того, чтобы быть обутыми, и мы их обуваем» (Вольтер 1953: 100).

Если же рассматривать интенцию как ощущаемый автором камертон, то многочисленные авторские порывы, из-за которых автор инициирует коммуникацию, будут поверяться именно этим камертоном. Автор вступает в творческую коммуникацию как ее создатель, чтобы высказать идею (нечто). Общая коммуникативная интенция «накладывается» на дискурсивную и жанровую интенцию и уточняется ими. Автор, вступая в коммуникацию, не может отчетливо делить свою речь на речевые акты (рефлексия наступает постфактум). Речь препарируют прагматисты. Автор речь творит.

Мы бы даже отказались от общепризнанного в психолингвистике разделения интенции на замысел, цель и мотив, поскольку (если рассматривать коммуникацию холистически) только единичные авторы дают себе труд детально планировать свою коммуникацию, большинс-

тво же коммуникацию не планируют, а предощущают. У мыслей-замыслов, как и у ангелов, должны быть крылья, а не оковы прагматики. Интенция при четком разделении ее на замысел, цель и мотив теряет присущие ей иррациональность, эмоциональность и творческую креативность.

Интенция не равна замыслу, так как замысел относится исключительно к автору, а интенция направлена на адресата. Здесь точнее вместо замысла говорить о помысле. Интенция также не равна цели, так как цель конкретна, логична, «нацелена» обязательно на результат, т.е. прагматична. Например, в рекламном тексте интенцию можно обозначить как желание «разрекламировать», а цель будет – «чтобы купили!». Можно сказать, что цель включает отчасти результат. Интенция – более сложный феномен, и не только потому, что интенция более абстрактна, она более комплексна – в ней переплетается рациональное с иррациональным, эмоциональное и рациональное, рефлексивное и неподотчетное, что движет авторскую мысль в потоке коммуникации. Может быть, интенция – это творческий путь к цели. Интенция сопрягает замысел и цель. Мотивы мы бы рассматривали как причины, породившие интенцию.

В любом случае, интенция, как свойство сознания, не может быть полностью «ощупана», измерена и прописана, поскольку «в любой момент существования сознания целостное поле осознания не содержит в себе ничего линейного и последовательного. Сознание – не вербальный процесс» (Макклюэн 2011: 9).

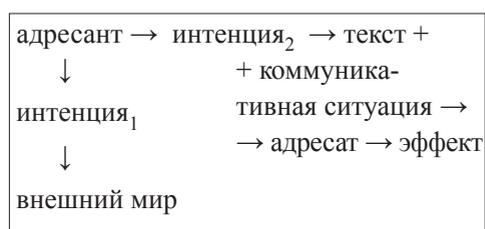
Таким образом, интенция – это когнитивно-коммуникативный феномен осознания автором внешнего мира,

рефлексия и авторская надежда донести свою мысль до читателя в творимой им коммуникации.

Будем строже: интенция – это когнитивно-коммуникативный феномен, включающий в себя осознание/ прочтение автором внешнего мира и коммуникативное стремление (намерение) донести это прочтение (интерпретацию) Другому (Другим может быть и сам субъект интенции, выступающий в акте авторской коммуникации). Мир, интенционально прочитанный, переводится в текст⁴, воплощающий авторский замысел.

Реализация коммуникативного намерения всегда требует от адресанта, как производителя/ инициатора дискурса, творческой энергии, позволяющей раскрыть его когнитивный мир, вербальный тезаурус, стилистическую компетенцию, эмоциональный потенциал.

И совсем схематично:

Внешний мир и его интенциональное осознание

Если вслед за Н. Луманом различать информацию и сообщение (Луман смотрит на коммуникацию как на состоящую из трех элементов – информации, сообщения, понимания), то информация – это отображенные говорящим факты внешнего

⁴ Ср. с очень плодотворной мыслью проф. В. И. Конькова о прочтении мира и личности как текста (Коньков 2012).

мира, а сообщение – носитель информации: «Информация есть “различие, которое порождает различие”. “Сообщающий” из всего массива того, о чем можно было бы поговорить, “посылает” именно данное сообщение (первое различие). “Принимающий” сообщение “извлекает” из него информацию, словно из некоего медиума, выделяет в нем далеко не все то, что стремился сообщить его собеседник (второе различие). Информация есть то, что изменяет эту коммуникацию, вводит или требует присоединения следующего» (Луман 2004). Таким образом, говорящий сам отбором формирует порождение различий в сознании воспринимающего субъекта и тем самым определяет направление дальнейшей коммуникации.

В теории высказывания общепринято деление высказывания на диктум (логически извлекаемую информацию) и модус (модальную рамку высказывания). Интенциональный аспект стилистики высвечивает не логическую основу информации, а ее субъективный отбор. Интенционально отобранные факты (как и их интерпретация) могут объяснить несовпадение фактической стороны одного и того же события, «увиденного» различными субъектами (см. об этом также гл. «Интерпретация» в: Клушина 2008). Коммуникация по-другому и не может протекать, иначе знания адресанта и адресата окажутся не имеющими никаких различий и, соответственно, не имеющими ценности. Увидеть в этом только осознанную манипуляцию и дезинформацию нам представляется несправедливым, если только автор намеренно не встает на путь диффамации и обмана.

Внешний мир восстанавливается в правах как объективная реальность в

повторениях фактов (т.е. квантитативно) и в наращивании информации, почерпнутой не из единичного текста, а из дискурса, в данном случае понимаемого как «нарративный контекст»⁵.

Но даже если интенционально отобранные разными субъектами для своей коммуникации факты и совпадут, то дифференциация коммуникации, ее принципиальная нетавтологичность, будет возможна по стилистическим и идеологическим параметрам. Различная интерпретация разными субъектами одних и тех же интенционально отобранных фактов и явлений действительности приводит к появлению прагмем (слов с одинаковой референцией, но различным оценочным отношением к референту именуемого субъекта), в нашей терминологии – стилистической энантиосемии (*разведчик – шпион, боевики – повстанцы* и др.), которая получила бурное развитие в российском перестроечном массово-коммуникативном дискурсе (Клушина 1995).

Внешний мир всегда шире интенциональной информации, но парадокс в том, что интенциональный мир, в свою очередь, шире внешнего, поскольку включает мир внутренний. В этом парадоксе – возможность не только стилистической, но и *интенциональной энантиосемии*, которая заключается в различном осмыслении (а далее – интерпретации) одних и тех же фактов. Даже при совпадении интенционально выбранных для

⁵ Ср.: «Лишь в нарративном контексте станет ясно то, чем являлось действие, то, в какой мере оно обращалось к своему прошлому и будущему, а также то, какие признаки автора выразились в нем, а какие – нет. Для всякого ограничения значения отдельного действия неизбежно соотнесение его с другими действиями – как в повседневной жизни, так и в рассказах» (Луман 2012: 95).

осознания фактов внешнего мира, они все же осознаются по-разному (каждый человек – индивидуален, в том смысле что оригинален), получают различную смысловую конфигурацию и различную интенциональную интерпретацию. Пример дает Вольтер, описывая спор анабаптиста Якова и Панглоса: *«Панглос объяснил ему, как все идет к лучшему. Яков не разделял этого мнения.*

– Конечно, говорил он, – люди отчасти извратили природу, ибо они вовсе не рождаются волками, однако становятся волками. Господь не дал им ни двадцатичетырехфутовых пушек, ни штыков, а они сделали себе и штыки и пушки, чтобы истреблять друг друга. Я мог бы поставить в счет и банкротов, и суд, который захватывает добро банкротов, чтобы обездолить кредиторов.

– Все это неизбежно, – отвечал криковой философ, – отдельные несчастья создают общее благо, так что, чем более частных несчастий, тем лучше все в целом» (Вольтер 1953: 108).

Такое интенциональное осмысление внешней действительности связано с психологическим и ментальным опытом адресанта, его мировоззрением, но в то же время осмысляемые им факты дают повод для уточнения, корректировки и дополнения внутреннего мира автора.

Таким образом, в интенциональности восприятия внешнего мира и его индивидуальном осмыслении кроется авторская оригинальность, самобытность и неповторимость, ярко проявляющаяся, например, в креативной (уникальной) коммуникации (в художественном творчестве, эталонном научном дискурсе и т. п.). В тенденциозном дискурсе (медийном, рекламном, политическом и др.) оригинальность авторского сознания ограни-

чивается «социально обусловленными фильтрами» (Фромм 2011: 162). К ним мы относим *идеологию* определенной социальной группы, к которой принадлежит автор, и выработанный этой группой *социальный стиль*. Тоталитарный дискурс (например, официально-деловая коммуникация) принуждает автора отказать от уникальности и творчества и действовать в жестких рамках принятых регламентаций.

Как видим, реализация интенциональности авторского сознания обусловлена типом дискурса, поэтому интенциональность, как и интенция, может быть положена в основу альтернативной типологии дискурсов, построенной на интенционально-стилистическом параметре: *креативный, тенденциозный, тоталитарный типы дискурсов*.

Таким образом, интенциональный метод современной антропоцентрической стилистики помогает проявить индивидуальное в типологии коллективной коммуникации, что было невозможно выявить с помощью системного подхода в функциональной стилистике.

Интенциональный эффект и перлокутивный эффект: соотношение понятий

По-новому с интенциональных позиций рассматривается и понятие *эффект* как интенционально направленный желаемый результат коммуникации.

Замысел коммуникации никогда не бывает конкретным и точным, а реализованная интенция часто приводит к неожиданному и не замысленному автором эффекту. Этот незапланированный эффект нельзя сводить только к коммуникативному провалу или коммуникатив-

ным неудачам, которых можно было бы избежать, «подправив» стилистический код, выбранный автором.

«Провал» – это отказ от коммуникации или демонстративный выход из нее. Непонимание, неприятие, возражение, вызывающее на спор, недовольство и другие негативные реакции адресата – это всего лишь «сбой» *интенционального эффекта*, а не коммуникативные неудачи и провалы, так как сообщение дошло до адресата, информация была извлечена им и вызвала определенный (пусть даже негативный) эффект, то есть состоялась.

Через негативные реакции адресат коммуникации реализует свое понимание сообщения и таким образом дифференцирует себя, свое «я», свои когниции и стилистические предпочтения в общем диалоге. Эффект в коммуникации – это не только положительные реакции, но и отрицательные, это сложный, комплексный феномен, который нельзя сводить только к пользе адресата.

В отличие от прагматики и от коммуникативистики в нашем интенциональном методе мы не просто вводим новое понятие «*интенциональный эффект*», дефинируя его как эффект, предполагаемый и желаемый автором, но акцентируем его нелинейность и дифференцируем его от других типов эффектов, которые, в отличие от интенционального, целиком зависят от адресата.

Сопряжение интенционального эффекта с реализованным может реабилитировать автора и снять с него подозрения, например, в манипуляции. Так, если автор-журналист не имел интенции вводить в заблуждение или манипулировать своим адресатом, то будет несправедливо обвинить его в злом умысле намеренной

диффамации. Во многих случаях, на наш взгляд, следует говорить не о грубой манипуляции со стороны журналиста, а о его тенденциозности, связанной с мировоззренческой позицией, или оценке сообщаемого. Видеть во всем манипуляцию – это психическое свойство некоторых недоверчивых людей.

Другое дело, что интенциональный эффект не вербализован, имплицитен и не доказуем. В искренности трудно убедить, даже если приложить руку к сердцу. Именно поэтому частые упреки в манипулировании обращены именно к журналистскому (тенденциозному) творчеству. Манипулирование, в котором обвиняют журналистов, стало общим местом в российских исследованиях. Но это манипулирование можно только предполагать, а не доказать, то есть оно умозрительно со стороны адресата и совсем не обязательно интенционально умышленно со стороны адресанта⁶.

Имплицитность интенции адресанта, ее неявность для адресата может породить конфликт интерпретаций, и не только в вербальной коммуникации. Вспомним, как невинное желание Кандида прогуляться («Он вздумал в один прекрасный день прогуляться и пошел куда глаза глядят, думая, что неотъемлемое право людей, так же как и животных, пользоваться ногами в свое удовольствие») было воспринято как дезертирство и привело к ужасным последствиям.

Таким образом, интенционально мыслимый эффект – только один из

⁶ Прим. ред.: Здесь мы позволим не согласиться с автором: нарушение постулата количества, то есть несообщение некоторых аспектов ситуации, есть намеренное умолчание, ведущее к заблуждению адресата относительно описываемой ситуации.

возможных (хотя и предпочтительный для автора) эффектов в коммуникации, где адресат пользуется теми же правами, что и адресант⁷.

С точки зрения интенциональности не однозначен и комплексен не только феномен манипуляции, но и такой феномен творчества, как *подражание*. В зависимости от интенции (а также от таланта, от чувства стиля и меры) *подражание* можно рассматривать как *ученичество* (напр., «Подражание Корану» и др. стихи юного Пушкина), как *пародию* (напр., известный сборник литературных пародий «Парнас дыбом») и как *эпигонство* (вспомним ответ А. А. Ахматовой на многочисленные подражания: «Я научила женщин говорить, но, боже, кто их замолчать заставит?»).

Интенционально дифференцировать, в свою очередь, можно и *эпигонство*. Например, эпигонство в науке, которая нацелена на новое (или хотя бы авторское) знание, рассматривается однозначно негативно, но оно приобретает положительный смысл в последовательной популяризации чьих-нибудь идей, когда популяризатор идеи идет строго в русле выбранного им автора, без добавления собственных «переживаний», которые могут быть неадекватными объясняемой концепции.

Мы бы еще указали на возможность существования «отложенного» интенционального эффекта, что хорошо демонстрирует художественный дискурс, например, знаменитое пушкинское:

⁷ По крайней мере, адресата следует рассматривать не менее того, как «рассматривает» человека Вольтер: «Яков видел, как жестоко и постыдно обошлись с одним из его братьев, двуногим существом без перьев, имеющим душу» (Вольтер 1953: 105).

“Быть может (лестная надежда),/ Укажет будущий невежда на/ мой прославленный портрет И молвит: то-то был поэт!” Художественный дискурс часто ориентирован именно на отложенный эффект, реализуемый в хронотопе будущих читателей, при невозможности (цензура, непонимание, неприятие и т. п.) его реализации в современном автору обществе. Писать в стол с надеждой на отложенный эффект – удел провидческих талантов, не могущих пробить паутину окружающего их косного большинства.

Подчеркнем, что мы принципиально различаем коммуникативные неудачи (идущие от автора) и негативные эффекты (идущие от адресата). Таким образом, перлокутивный эффект в прагматике, по Остину, является только частью (позитивной) общего эффекта коммуникации и не равен интенциональному эффекту. Коммуникация предполагает множество прочтений, но лишь одно из них будет соответствовать интенциональному эффекту. Все остальные прочтения не являются коммуникативными неудачами или провалом. Для нас коммуникативный провал – либо отказ от коммуникации и выход из нее, либо равнодушие адресата, его индифферентность, безразличие, что равносильно отказу. Равнодушие адресата, по сути, означает разрушение инициированного адресантом диалога. Это потеря смысла в коммуникации, крах стратегического замысла автора, коммуникативный тупик.

Г. Макклуюэн очень точно определил значимость эффекта в коммуникации: «Интерес к *эффекту*, а не к *значению* есть основное *изменение*, произошедшее в наше электрическое время, ведь эффект заключает в себе всю ситуацию целиком, а не просто какой-то один уро-

вень движения информации» (Макклюэн 2011: 32).

Таким образом, минимальной целью интенционального эффекта становится запуск ответной эмоции у адресата.

Категориальный аппарат интенциональной лингвистики

В отличие от прагмалингвистики, изучающей конкретные речевые акты как составные звенья речевой цепи, интенциональная лингвистика нацелена на целостное (холистическое) восприятие коммуникации как интенциональной деятельности человеческого сознания. Итенциональный аспект стилистики принципиально обращен к творчеству адресанта («стилистика адресанта») и к творчеству адресата («стилистика адресата»), взаимодействующих в коммуникации, всегда нелинейной во времени и часто не совпадающей в пространственных координатах. Именно поэтому предлагаемый нами интенциональный метод предполагает акцентирование и таких важнейших его составляющих, как *адресант* и *адресат*.

Выявление когнийций *адресанта*, сконцентрированных в *идеологии личности*, репрезентируемой через *идеологемы* в творимом им дискурсе, столь же необходимо, как и учет его коммуникативных стратегий и тактик воплощения замысла, а также стилистических компетенций для оформления (стилистической «упаковки») своего сообщения. Не менее важна идеология и коммуникативно-стилистическая компетенция *адресата*, декодирующего и усваивающего или рефреймирующего предназначенное ему послание. Именно поэтому анализ дискурса с помощью *интенционального*

метода предполагает выявление *идеологем* и когнитивную характеристику *адресанта* и *адресата*.

Предложенный нами интенциональный метод включает в себя определение системы *интенциональных категорий*, характерных для различных типов дискурсов. Интенциональные категории выделяются нами с учетом когнитивного и психологического аспектов, так как эти категории являются результатом интенционально обусловленной речемыслительной деятельности адресанта в дискурсе.

Интенциональные категории отражают внутренний, интенциональный механизм порождения текстов определенного типа, реализующих определенное коммуникативное намерение автора.

Мы полагаем, что существует *прототипическая парадигма интенциональных категорий*, характерная для любого типа дискурса, которая в зависимости от дискурсных особенностей может дополняться и варьироваться в достаточно широких пределах.

Прототипическую парадигму интенциональных категорий составляют дискурсные идеологемы, номинация, интерпретация, оценочность и тональность. Эти категории репрезентируют *осознанность* (когнитивный аспект) дискурсивной *деятельности* адресанта (коммуникативный аспект), ее *целенаправленность* (интенциональный аспект) и *воздействующий* потенциал (прагматический аспект).

Категории могут модифицироваться в зависимости от особенностей дискурса, который они формируют. Например, оценочность будет социальной (Г. Я. Солганик) в публицистическом дискурсе; групповой – в политическом

предвыборном дискурсе, индивидуальной – в художественно-эстетическом дискурсе, намеренно «нулевой» – в информационном дискурсе.

Интенционально обусловленный выбор тональности (агрессивной, нейтральной, мелиоративной и т. п.) также сопрягается с параметрами дискурса. Наименее зависимым от особенностей дискурса, а в большей степени обусловленный идеологией личности нам представляется выбор номинации, интерпретация и идеологемы, понимаемые как важнейшие идеи, утверждаемые адресантом в процессе своей дискурсивной деятельности.

Таким образом, **категориальный**

аппарат интенционального метода включает в себя адресанта и адресата, интенцию, интенциональность, интенциональные категории, коммуникативные стратегии и тактики, декодирование, воздействие (интенциональный эффект и перлокутивный эффект) и коммуникативные неудачи.

С помощью разработанного нами интенционального метода можно, как нам представляется, описать современный русский дискурс и выявить новые дискурсивно-стилистические закономерности, позволяющие расширить, дополнить и углубить современную теорию стилистики.

Литература

АДАМЬЯНЦ, Т. З., 2009. *Социальные коммуникации*. Режим доступа: <http://www.litres.ru/tamara-adamyanc/socialnye-kommunikacii/> (см. 11.07.2013).

БЕЗУГЛАЯ, Л. Р., 2009. *Прагмалингвистическая концепция И. П. Сусова: Сусов И. П. Лингвистическая прагматика*. Винница: Белая лебедь.

ВОЛЬТЕР, 1953. *Философские повести*. Москва: Художественная литература.

ГАЙДА, С., 2012. *Интегрирующая стилистика: Лингвистика речи. Медиастилистика: коллект. моногр., посвященная 80-летию проф. Г. Я. Солганика*. Москва: Флинта-Наука.

КЛУШИНА, Н. И., 1995. От «советского» к «совковому» (Развитие энантиосемии в языке современной газеты). *Ин: Слово и мысль в публицистике и массовой коммуникации*. Воронеж: Воронежский университет. Сб. депонирован в ИНИОН РАН № 49979 от 16. 01. 1995.

КЛУШИНА, Н. И., 2008. *Стилистика публицистического текста*. Москва: МедиаМир.

КЛУШИНА, Н. И., 2009. *Интенциональные категории публицистического текста: автореф. дис. ... док-ра филол. наук*: Мос-

ква: факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

КЛУШИНА, Н. И., 2011. *Коммуникативная стилистика публицистического текста: Язык и дискурс СМИ в 21 веке. Коллективная монография под ред. М. Н. Володиной*. Москва: Академический проект.

КЛУШИНА, Н. И., 2012. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме. *Медиаскоп*, № 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1242> (см. 11.07.2013).

КОНЬКОВ, В. И., 2012. *От предложения к тексту, от высказывания к произведению: Лингвистика речи. Медиастилистика: коллект. моногр., посвященная 80-летию проф. Г. Я. Солганика*. Москва: Флинта-Наука.

ЛУМАН, Н., 2004. *Общество как социальная система*. Пер. с нем. А. Антоновского. Москва: Логос.

ЛУМАН, Н., 2012. *Реальность массмедиа*. Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация».

МАККЛЮЭН, Г. М., 2011. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. Москва: Кучково поле.

ОРЛОВА, О. В., 2012. *Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук.* Томск: Томский государственный университет.

ФРОММ, Э., 2011. *По ту сторону порабожающих нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом.* Москва: АСТ: Астрель.

Natalia Klushina

Moscow State University, Russia

Research interests: stylistics, media linguistics

THE INTENTIONAL ASPECT OF MODERN STYLISTICS

Summary

There are cognitive, communicative, and pragmatic scientific methods in the modern anthropocentric linguistic paradigm. We have created the *intentional method* as a new integrative linguistic method for studying modern Russian discourse. The main scientific categories of the intentional method include: intention, intentionality, intentional categories, author, and addressee. The intention of the addressee consists of cognitive, communicative, and pragmatic constituents. We

can divide intention into cognitive intention, which helps to understand the world, and communicative intention, which organizes communication between addressee and addresser. The intentional method can help to search out creative and subjective factors of human communication. This method can help to understand the nonlinearity and creativity of the communicative processes. The different types of effects of modern communication are analysed in this article. The effect holds not only a perlocutive quality in integral communication; therefore we announce that there are both positive and negative intentional effects in modern communication. Communicative failures are situations when an addressee refuses to carry on a dialogue or experiences indifference to the interlocutor.

KEY WORDS: linguistic paradigm, intentional method, intention, intentionality, intentional categories.

Gauta 2013 03 31

Priimta publikuoti 2013 07 15